

«64»... Каким же печальным взглядом тогда Юрко посмотрел в объектив... Будто заранее демонстрировал на своей груди какой-то мистический знак.

Его земной возраст не переступил через это число...

Юрий попрощался с нами в полночь, между 5 и 6 августом 2000 года, за две недели до своего "65" Спаса.

... Теперь, на Спаса, мы иногда ездим к Святой горе, в Ушню, что в предгорье Карпат... Место на ушнянському кладбище Ткаченко себе обусловил заведением.

Николай Малышко собственноручно сделал большой крест. Из красного камня...

А другие ближайшие его друзья к тому красивому символическому памятнику смогли добавить своеобразное кинематографическое послесловие Ярослава Остаф - Ткаченко - искренним и самым трудным для нее воспоминанием - рассказом, Нина Матвиенко - украинской песней, Виктор Крипченко - видеоизображением... А мы, Валентина Коблюк и Леонид Мужук, - теми непростыми усилиями авторского сердца, когда потеря друга никакое время почему-то не забывается..., а формат документального фильма только остро усиливает боль от глубокого понимания исторического факта: какой действительно большой творческий потенциал Ткаченко так и остался для общества нереализованным.

С.М. Нарожняя

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ В ТЕКСТАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

В современной науке утвердилось представление о культуре в том числе как о «системе информационных кодов, закрепляющих исторически накапливаемый опыт», подобно генетическим кодам в биологических организмах. Базисные ценности, входящие в ядро культуры, «сберегаются в мифологии народа, в его религии, философии, искусстве, этике и праве». В их числе – отношения личности и общества, человека и государства и т. д. [Проблематика СМИ 2008: 143-144].

Обращение к истокам русской публицистики дает возможность представить, как накапливался исторический опыт народа, как, преломляясь в произведениях словесного творчества, исторически формировалась устойчивая для многих поколений система направленных позитивно базисных ценностей.

Исследование текстов древнерусской и старорусской публицистики с точки зрения их проблемно-тематического своеобразия позволяет выявить ряд ключевых тем и связанные с их воплощением в этих текстах образы, это дает основание объединять произведения словесного творчества разных периодов русской истории и культуры в своеобразный публицистический комплекс. Именно с этим связана одна из «ключевых» тем древнерусской публицистики –

тема «книжной мудрости» (см., например, произведения Даниила Заточника, Ивана Пересветова и др.). При этом, заметим, для владеющих этой «мудростью» древнерусских книжников не существенно было, чей текст – предшественников или современников – цитируется, интерпретируется, переделывается: важно было уместно и «соразмерно» употребить его в своем тексте. Кроме того, общность текстов древней русской публицистики проявляется, на наш взгляд, и в наличии «сквозных» – в хронологическом отношении – приемов воплощения публицистичности. Успешной реализации этих приемов способствует в том числе и использование древне- и старорусскими авторами языковых единиц разного уровня, связанными в современной науке с представлениями о прецедентности (Ю.Н. Караулов, Н.А. Кузьмина и др.).

Одним из излюбленных приемов древнерусских книжников можно назвать ретроспекцию – «взгляд в прошлое». Использование этого приема в изученных текстах не сводится к определенному алгоритму, в связи с чем можно отнести к реализации этого приема, на наш взгляд, разные факты. Это и обращение к текстам Священного Писания с целью установления аналогий с ветхозаветной и новозаветной историей, это и проведение ретроспективной исторической аналогии – элемента «арсенала идейно-художественных средств древнерусской книжности» [Древнерусская литература 2003: 187].

Считаем возможным указать отдельно как форму реализации приема ретроспекции и упоминание в текстах древнерусской публицистики исторических имен и наименований, выступающих в качестве своеобразного кода (частотное использование подобных наименований, многие из которых стали прецедентными, считают «одной из черт современного массмедийного дискурса» [Суздальцева 2010: 464]). Отметим, что приведенные «разновидности» реализации приема ретроспекции довольно часто сочетаются.

Так, при создании развернутой метафоры, позволившей митрополиту Илариону Киевскому («Слово о Законе и Благодати», XI в.) раскрыть исторический, политический и богословский смысл крещения Руси, автор обращается к одному из сюжетов и персонажам ветхозаветной истории: Сарра, законная жена Авраама долгое время была бесплодной, и, чтобы иметь детей, Авраам с одобрения Сарры сошелся с рабыней Агарью, которая родила ему сына Измаила. Однако Господь избавил Сарру от бесплодия, и, несмотря на преклонный возраст, она родила сына – Исаака. Моисеев закон (т.е. Ветхий Завет) уподобляется рабыне, т. к. народ не властен в выборе Закона. Свободная жена уподоблена Новому Завету, т. к. Благодать (крещение) народы выбирают сами. В законе рождается раб, а в благодати и истине – сын. Так, и Русь, выбрав Благодать (крещение), стала полноправным европейским христианским государством.

Неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли» (XIII в.) слагает гимн родине, воспеваet природные красоты и богатства родной земли. Автор вспоминает славное и героическое прошлое страны, могущественного Всеволода (Большое Гнездо), его отца Юрия (Долгорукого) и деда Владимира Мономаха. Именно при Владимире Мономахе прекратились усобицы, он сплотил все силы Руси для борьбы с внешними врагами, и эти былые военные победы русичей обеспечивали процветание страны, ее авторитет у других народов. Кон-

траст этих воспоминаний с ситуацией Руси XIII в., страдавшей от «болезни» княжеских усобиц и разорительных нападений отрядов степных кочевников, безусловно, обеспечивает тексту памятника очевидную публицистичность.

Использование приема ретроспективной исторической аналогии можно наблюдать, например, в «Повести о разорении Рязани Батыем» (XIII в.), где история гибели князя Олега Ингоровича представлена как подвиг христианского мученика: *И был он второй страстотерпец Стефан, принял венец страдания от всемилошного бога и испил чашу смертную вместе со всею своею братьею* [Повесть о разорении : 349]. Довольно активно прием ретроспективной исторической аналогии используют авторы произведений Куликовского цикла. Так, главный герой «Задонщины» (XIV в.), московский князь Дмитрий Иванович, представлен прежде всего как объединитель сил русских князей, и в этом плане его образ продолжает традицию образа Святослава Киевского в «Слове о полку Игореве», «золотое слово» которого было посвящено идее объединения русских земель: *И вот князь великий Дмитрий Иванович и брат его Владимир Андреевич, помолясь богу и пречистой его матери, укрепив ум своей силой, закалили сердца свои мужеством, преисполнившись ратного духа, урядили свои храбрые полки в Русской земле, помянув великого прадеда своего – князя Владимира Киевского* [Задонщина : 383]. Лишь в конце повести, при перечислении погибших в сражении воевод и рядовых воинов из разных русских княжеств, становится безусловно очевидной эта аналогия. Однако особенно насыщен историческими аналогиями текст «Сказания о Мамаевом побоище» (XV в.): помимо упоминания о битве на Калке (что тоже есть в «Задонщине»), уподобления Мамаева нашествия с приходом на русскую землю Батыя, а также с пленением Иерусалима Навуходоносором, в «Сказании» Мамай сравнивается с римским императором Юлианом Отступником; татары отождествляются с половцами и печенегами; поединок инока Пересвета с татарским воином – поединку Давида с Голиафом; князь-предатель Олег Рязанский называется здесь «новым Святополком» и «Иудой». В «Сказании» упоминаются также Ярослав Мудрый, Александр Невский, Александр Македонский, Василий Великий и др.

Имена пращуров (*Пересвет, Дмитрий Иванович*), а также персонажей истории, как ветхозаветной, так и относительно недавней для XVI в. (*Константин и Магмет*), «знаковые» названия столиц государств (*Иерусалим, Царьград*), название известного исторического события (*Донское побоище*) входят в состав «ключевых» языковых единиц комплекса сочинений публициста Ивана Пересветова. Пращуры публициста и Ивана IV упомянуты в общем контексте: *А яз, государь,... выехал из Литвы,... служачи тебе,... помяная своих пращур и прадед, как служили верно государем... твоим пращуром, Пересвет и Осяляб в чернецах и в схиме... на Донском побоищи при великом князе Дмитрии Ивановиче* [Сочинения И. Пересветова : 171]. Выражая свое эмоциональное отношение к потомкам или сравнивая их деяния с деяниями отцов и дедов, автор таким образом обозначил мерилу добродетелей и славы внуков и правнуков [Лихачев 1978: 55]. Отсюда упоминание Пересвета, монаха Троице-Сергиевского монастыря, среди участников Куликовской битвы 1380 г. и предка Ивана IV, руководившего русскими войсками в этой битве, не случайно: с

помощью этих имен публицист намекает на определенную аналогию с современной ему ситуацией.

Публицист ссылается на авторитеты Александра Македонского, известного на Руси благодаря повести «Александрия»; Октавиана Августа, время неограниченной власти которого было названо «золотым веком» (результат проведения удачных реформ и наплыва военной добычи) [Боги и люди 1994: 63] и во времена царствования которого родился Христос и начался христианский период мировой истории.

Заметим, имена антиподов – последнего византийского правителя царя Константина Ивановича (XI Палеолога) и Магмета (Мехмета II Фаттиха), турецкого султана, захватившего в 1453 г. Константинополь, способствуют также оформлению в комплексе сочинений И.С. Пересветова антитезы: предлагая проект государственных преобразований, публицист постоянно сопоставляет опыт и результаты правления этих царей.

Несмотря на то, что события Смутного времени способствовали появлению словесных произведений, рассчитанных на сиюминутный эффект, а значит, связанных с обращением авторов к злободневным вопросам, и в XVII веке традиция использования в публицистических текстах приема ретроспекции сохраняется. Так, например, в повестях из цикла об Азовском взятии и осадном сидении казаков, посвященном событиям 1637-1641 гг., наблюдаем следующее: в «Исторической» повести цикла возникновение Азова автор связал с деятельностью апостола Павла, тем самым подчеркнув христианское прошлое города, а следовательно, и усилив публицистическую остроту памятника. А в «Поэтической» повести казаки мотивируют свои действия так: *А все то мы применяем к Ерусалиму и Царюграду, лучития нам так взять у вас Царьград. То царство было христианское* [Повесть об Азовском : 556]. Все предельно просто: если случится удача, будет отмщение мусульманам уже в XVII веке за взятие Константинополя в 1453 г.

Приведенный пример позволяет перейти и к другому – близкому – по значимости в древнерусской публицистике приему. Мы называем его проспекцией («взгляд в будущее», т.е. предвидение, предсказание). И хотя он не так часто отмечен в текстах, как прием ретроспекции, мы считаем необходимым представить его в этой публикации.

В древнерусских публицистических текстах своеобразный «отсчет» в применении приема проспекции тоже наблюдаем в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона (XI в.). Говоря о месте равноапостольного киевского князя Владимира в истории, Иларион обосновывает и будущее место Руси в христианском мире: как младший по возрасту и по праву наследования «*отня стола*» и худший (в смысле генеалогии, поскольку был сыном рабыни, «*робичич*») Владимир становится первым и старшим князем, так и Русь – последняя и младшая из крестившихся держав – должна стать оплотом и хранительницей христианского вероучения, первой и старшей. В своей проповеди Иларион задает тон всей философии истории Руси и выстраивает многовековую перспективу (через 400 лет, в 1492 г., мысль Илариона почти дословно повторит митрополит Зосима, заявивший о том, что Москва – новый «град Константина» и

русские, «последними» пришедшие к православию, отныне сменяют «первых» – греков. В начале XVI в. ту же идею – только теперь уже о Московской Руси – «третьем Риме, а четвертому не бывать» – выскажет старец Филофей. А еще через 200 лет осмысленное и высказанное впервые Иларионом представление о мессианской роли русского христианского государства получит дальнейшее развитие в идее «Святой Руси»).

В «Повести о разорении Рязани Батыем» (XIII в.) идея о необходимости объединения русских земель представлена своеобразно: рязанцы, «единую смертную чашу испившие», оказались непобедимыми для Батыя. Возвратившийся в Рязанскую землю Ингварь Ингваревич собрал трупы всех погибших и предал их земле в соответствии с христианскими обычаями. Этот рязанский князь *«обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам»* [Повесть о разорении : 361]. Автор как бы выстраивает алгоритм, как надо действовать в сложившейся в раздробленной Руси ситуации.

Свои предвидения высказывает Ивану IV воинник Иван Пересветов: в двух произведениях – «Предсказаниях докторов и философов» – автор внушает молодому царю и мысль о его счастливом царском прирождении, и о мудрости, с которой он будет править страной, и об успехах во внешнеполитических акциях, и об опасности, исходящей от внутренних врагов-вельмож (бояр – С.Н.): *породился от великой мудрости по небесному знамению на исполнение правды в его царстве... (и будет) яко и на благоверного царя Константина ловление со вражбами для ради укрочения воинства его и укрочаючи от воинства. ...он божиею помощию Казанское царство возмет своим мудрым воинством да и крестит* [Сочинения И. Пересветова : 161-162].

Не менее показателен, на наш взгляд, следующий контекст, в котором «работают» одновременно оба приема. В связи с усилением московского самодержавия в XVII веке возникла потребность в углубленном обосновании власти московских государей – в 1650-е годы создается цикл повестей о «зачале Москвы». В первой из четырех повестей, пользовавшейся особой популярностью, показывалась схожесть обстоятельств возникновения Москвы, Рима и Константинополя: эти столицы были основаны на «кровопролитии». В полуполюгендарной истории (казнь боярина Кучки за непочтительное отношение к Юрию Долгорукому) автор видит и перспективу: одно кровопролитие рождает другое, умножая вселенское зло и приближая Судный день. Однако именно таким образом в цикле повестей о начале Москвы продолжала развиваться уже приобретшая консервативное содержание идея о «Москве – третьем Риме», противопоставлявшая Москву всему окружающему России миру.

Итак, на наш взгляд, приведенные материалы свидетельствуют о том, что использование в текстах древне- и старорусской публицистики приемов ретро- и проспекции способствовало созданию необходимого свойства изученных текстов – публицистичности. Различные языковые средства – прецедентные ономы, наименования прецедентных событий, элементы текстов Священного Писания и др. – являлись необходимыми для авторов аргументами, своеобразными кодами, с помощью которых достигалась публицистическая острота и выра-

зительность. Очевидно, что «ключ» к пониманию явлений современной действительности – в аналитическом и прогностическом отношении к ней. Названные публицистические приемы и их «инструментарий» во многом способствовали выработке этого отношения.

Литература

1. Древнерусская литература. XI-XVII вв.: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. В.И. Корovina. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003.- 448 с.
2. Задонщина // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси. (БВЛ. Серия первая. Том 15) – М.: Художественная литература, 1969. С. 380-397.
3. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Художеств. литература, 1978. – 360 с.
4. Повесть о разорении Рязани Батыем // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси. (БВЛ. Серия первая. Том 15) – М.: Художественная литература, 1969. С. 344-361.
5. Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков // Изборник. Сборник произведений литературы древней Руси. (БВЛ. Серия первая. Том 15) – М.: Художественная литература, 1969. С. 550-566.
6. Проблематика СМИ: Информационная повестка дня: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. М.В. Шкондина, Г.С. Вычуба, Т.И. Фроловой. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 316 с.
7. Сочинения И. Пересветова / Подготовил текст А.А. Зимин. Под ред. Д.С. Лихачева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 123-184.
8. Суздальцева В.Н. Исторические наименования как компоненты культурного кода и как имиджевый конструкт // Журналистика в 2009 году: Трансформация систем СМИ в современном мире. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – М.: Факультет журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. С. 464-465.

Н.И. Рядинская

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ РЕГИОНА В ЭФИРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ТЕЛЕКАНАЛА «РОССИЯ 1» (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММ ГТРК «БЕЛГОРОД»)

Вот уже несколько десятилетий телевидение позволяет приобщать к достижениям мировой культуры широкие слои населения, которые ранее практически не имели доступа к художественным ценностям. Можно сказать, что телевидение выступает механизмом распространения информации о материальных и духовных ценностях современной культуры, используя при этом такие особенности, как виртуальность и символичность.

На данном этапе развития информационного рынка особое внимание уделяется соотношению программ центрального и местного телевидения. Большое значение имеет то, программы какого канала ретранслирует местная телестанция или в какую вещательную сеть она входит. Популярность и рейтинг передач российского канала, вещание которого перекрывает местная